

ГОДЪ XXXVIII.

Еженедѣльное
изданіе.

ноября 5-го 1906 г.

№ 44.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп. Продаются повсѣхъ кіоскахъ города Москвы.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер. Епархіальный домъ, редакція «Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 15 к., за 2 раза 25 к., за 3 раза 30 коп., на годъ—по особому условію.

«По распоряженію епархіального начальства съ предстоящаго 1907 года всѣмъ священнослужителямъ епархіи, предлагается вмѣсто «Воскресныхъ бесѣдъ» выписывать изъ редакціи Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей «Московскій благовѣсть». Суммы, предназначающіяся на это и требованія на «Московскій Благовѣсть» препровождать по адресу: Москва, Лиховъ переулокъ, редакція Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей».

Рѣчь Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра Митрополита Московскаго и Коломенскаго въ общемъ собраніи Московскаго Епархіальнаго Братства призрѣнія нравственно покинутыхъ дѣтей. 29 окт. 1906 г.

„Воста же Авраамъ заутра, и взя хлѣбъ и мѣхъ воды, и даде Агарѣ: и возложи на плечи ея отроча, и отпусти ю, отшедши же заблуждаше въ пустынѣ, оскудѣ же вода изъ мѣха: и поверже отроча подъ елію единою. Отшедши же сѣдѣше прямо ему издалече, рече бо да не вижду дѣтища. (1 Мовс, 21, 14—16).

Дорогое собраніе,

Прочитанное мѣсто переноситъ нашу мысль въ далекую, чуждую намъ страну и напоминаетъ о событіи давно минувшихъ дней. Мы видимъ здѣсь Агарь-египтянку, какъ она, изгнанная изъ дома Авраама, возвращаясь домой съ ребенкомъ на рукахъ, заблудилась въ Вирсавійской пустынѣ. Была невыносимо знойная пора. Запасъ воды изсякъ до послѣдней капли. Подъ знойными лучами солнца малютку начала мучить страшная, смертельная, лихорадочная жажда. Куда не устремляла она своего взора, нигдѣ не видѣла она ни одного оазиса, ни одного источника, изъ котораго она могла бы утолить жажду своего дитяти. Смертная опасность возрастала съ каждою минутой. Но вотъ исчезъ послѣдній лучъ ея надежды, и съ малюткою началась предсмертная агонія. Но мать не могла долго выносить взгляда умирающаго младенца и слышать жалобный вопль его, который, какъ острый ножъ, рѣзалъ грудь ея. Судорожно прижимаетъ она его въ послѣдній разъ къ груди своей и дрожащими руками бросаетъ его подъ дерево и, удалившись отъ него на нѣкоторое разстояніе, съ невыразимымъ горемъ, какое можетъ только чувствовать нѣжное материнское сердце, воскликнула: „я не могу видѣть смерти ребенка!“

Почему я, братіе, избралъ въ настоящемъ случаѣ эту именно картину, это, я думаю, не требуетъ долгихъ объясненій. Когда я припоминаю ближайшія обстоятельства

и побужденія, вызвавшія къ бытію настоящее наше братство, когда представляю себѣ тѣ дѣли, которыя оно преслѣдуетъ, когда слышу внутренніе удары пульса, который бьется въ сердцахъ здѣсь присутствующихъ ея дѣятелей, то не нахожу болѣе подходящаго для этого выраженія, какъ въ чувствѣ той жалости, которая звучитъ въ этомъ отчаянномъ материнскомъ воплѣ: „я не могу видѣть смерти ребенка!..“

Въ самомъ дѣлѣ, что было побужденіемъ къ учрежденію сначала этого пріюта, дѣти котораго предъ нашими глазами, а затѣмъ и настоящаго Алексіевскаго Братства? Это была та жалкая участь несчастныхъ, нравственно покинутыхъ дѣтей, которую приходилось наблюдать у насельниковъ нашего пресловутаго „Хитрова рынка“, и коимъ угрожала здѣсь не тѣлесная смерть, какъ въ пустынѣ Вирсавійской, а смерть нравственная, духовная. Это былъ тотъ отчаянный вопль о помощи обитателей нашихъ трущобъ, которые, живя въ городѣ съ миллионнымъ населеніемъ, чувствуютъ себя безпомощнѣе, чѣмъ на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ въ Ледовитомъ океанѣ. Это, наконецъ было то обстоятельство, что существовавшіе доселѣ пріюты, для таковыхъ дѣтей были настолько переполненными, что многимъ долго и напрасно приходилось стучаться въ ихъ двери.

Вотъ что было побужденіемъ къ учрежденію нашего Братства. „Поистинѣ мы не могли видѣть смерти несчастнаго дитяти“. Насколько отвѣчаетъ это учрежденіе насущной потребности въ нашемъ городѣ, это видно изъ того горячаго сочувствія, съ какимъ отнеслось къ нему наше общество. Никогда не видѣлъ я эту залу такъ переполненною, какъ при его открытіи. И настоящее многочисленное собраніе, не есть ли оно новое доказательство того, что наше призрѣніе нравственно покинутыхъ дѣтей является въ глазахъ нашего общества особенно благопотребнымъ.

Москва наша, благодареніе Богу, не бѣдна разнаго рода благотворительными учрежденіями. Здѣсь не мало больницъ, сиротскихъ пріютовъ, вдовихъ домовъ, богадѣленъ для престарѣлыхъ, убѣжищъ для инвалидовъ, училищъ для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, миссіонерскихъ

обществъ и т. п. И когда мы посѣщаемъ эти учрежденія, гдѣ находятъ для себя пріютъ и призрѣніе разнаго рода пасынки въ этой Земли, разнаго рода несчастные и обездоленные, тѣлесно или духовно больные, гдѣ всякому подобному бѣдствію оказывается помощь и поддержка, гдѣ любовь христіанская налагаетъ свой цѣлительный пластырь на ихъ жгучія раны, о, неправда ли, братіе, что тогда сердце наше дѣлается мягче, теплѣе, мы чувствуемъ себя тогда какъ бы снова примиренными съ христіанствомъ, въ которомъ по временамъ начинали сомнѣваться! Ибо о чемъ говорятъ всѣ эти учрежденія какъ не о той любви, огонь которой такъ ярко горѣлъ въ сердцѣ Иисуса, съ которою Онъ всѣхъ принималъ, какъ братьевъ, въ свои объятія, и которая теперь отражается въ сердцѣ человѣчества?

Не меньшее, нѣтъ, еще большее сочувствіе, полагаю должно возбуждать наше юное Алексѣевское Братство. Здѣсь идетъ дѣло о томъ, что есть самага лучшаго и самага святаго на землѣ, и что открываетъ намъ надежду на вѣрную, благодарную жатву. Здѣсь идетъ дѣло о нѣжномъ юномъ человѣческомъ растеніи, которое необходимо пересадить съ дурной почвы на другую, лучшую и предохранить отъ вреднаго вліянія холоднаго воздуха, чтобы оно не зазябло и не погибло. Наше братство имѣетъ своею задачею исправить то, что испортила злая судьба или вѣрнѣе злые люди и обездоленному, заброшенному дитяти возвратитъ то, въ чемъ отказалъ ему тяжелый жребій и что однакожъ составляетъ для него величайшее благо, именно благо христіанскаго воспитанія.

Предъ нами вдова съ весьма скудными средствами, но съ цѣлою кучею малыхъ дѣтей. Мужественно борется она противъ обуревающихъ ее волнъ житейскаго моря, всѣми силами оказывая имъ сопротивленіе, ибо она ни за что не хотѣла бы, чтобы ея дѣти оставались въ средѣ тѣхъ испорченныхъ дѣтей, которыя толпами бѣгаютъ по улицамъ, нищенствуютъ и приучаются къ воровству. Но что ей дѣлать, когда ее болѣе и болѣе преслѣдуетъ бѣдность и нищета, когда злой рокъ становится все болѣе и болѣе неумолимымъ и, подъ невыносимую тяжестью начинаютъ подламываться ея колѣна. Но вотъ входитъ въ ея поло-

женіе братство, оказываетъ ей хотя скромную, но все же, въ ея условіяхъ, благодѣтельную поддержку принятіемъ хотя одного изъ ея дѣтей въ пріютъ свой. И смотрите, какъ просвѣтлѣло лицо ея при мысли, что сынъ ея обезпеченъ, что онъ получитъ христіанское воспитаніе, научится какому-нибудь ремеслу и будетъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Какой яркій лучъ отрады упалъ теперь въ ея мрачную и убогую хижину! Какое чувство благодарности къ своимъ благодѣтелямъ до самой смерти будетъ носить она въ своемъ сердцѣ! Уже то одно, что женщина, дошедшая было до отчаянія, до ожесточенія примирилась теперь съ Богомъ и людьми, не достойно ли нѣкоторыхъ жертвъ съ нашей стороны? Вотъ дѣвочка, обреченная, съ самаго рожденія своего, на бѣдность и лишенія, окружена всякаго рода соблазнами (которые всегда такъ близки бывають къ бѣдности), имѣя постоянно предъ своими глазами дурной примѣръ легкомысленной матери и развратившейся сестры. Что должно выйти изъ ребенка, который растеть въ такой испорченной средѣ, куда заброшенъ судьбой? Не будетъ ли нравственное растлѣніе его неизбежнымъ слѣдствіемъ такой обстановки, если онъ во время не будетъ вырванъ изъ грязной и вязкой почвы или не будетъ пересаженъ изъ такой заразной атмосферы въ здоровую и чистую атмосферу нравственно безупречной семейной жизни? Вотъ — сирота, не имѣющій ни отца, ни матери, ни родственниковъ, лишенный всякаго домашняго очага. О, кто изъ насъ не знаетъ, что для человѣка истинное счастье возможно только тамъ, гдѣ его сердце связано съ другими крѣпкими узами любви и что такое счастье мы испытываемъ только у домашняго очага, въ тѣсномъ, интимномъ семейномъ кружкѣ! Вы, отцы и матери, здѣсь присутствующіе, когда изъ этой залы вернетесь вы въ вашъ семейный кружокъ, когда будете обнимать и прижимать къ груди своей вашихъ юныхъ птенцовъ, подумайте еще разъ, что значить жить въ мірѣ безъ отца и матери, никогда не видѣть нѣжнаго, любовью искрящагося родительскаго взора, никогда не слышать біенія горячаго отцовскаго и материнскаго сердца, — подумайте и, преклонивъ колѣна, возблагодарите Бога за то, что Онъ такъ многомилостиво охраняетъ

святыню вашихъ семействъ, Возблагодарите, и въ то же время не заглушайте естественнаго въ этомъ случаѣ въ вашемъ сердцѣ желанія сдѣлать для такихъ сиротъ нѣчто такое, что могло-бы въ нѣкоторой степени возратить имъ то счастье, котораго лишены они судьбою, чтобы и для нихъ открылись двери семейнаго дома, въ которомъ они могли-бы встрѣтить любящія и участливыя сердца, гдѣ у семейнаго очага и они могли-бы согрѣть свое дѣтское сердце, почувствовать и себя членами семьи, чтобы, наконецъ, и ихъ уста снова научились, хотя на первыхъ порахъ не безъ робости и застѣнчивости, называть сладкія имена отца и матери. Имѣя возможность доставлять счастье христіанскаго обученія и воспитанія своимъ собственнымъ дѣтямъ, постарайтесь возжечь въ вашихъ душахъ желаніе содѣйствовать тому, чтобы подобное воспитаніе давалось и безпріютнымъ сиротамъ, дабы и они сдѣлались полезными членами общества и въ свое время способны были бы честнымъ трудомъ добывать себѣ свой собственный насущный хлѣбъ.

Если ты, возлюбленный другъ, не можешь сдѣлать этого одинъ, то можешь достигать этого въ соединеніи съ другими. Человѣкъ тогда только достигнетъ полной мѣры плодовъ своего труда и способностей, когда ему помогаютъ другіе. Вотъ почему и мы учредили это братство, чтобы соединенными братскими силами дѣлать наше доброе дѣло, учредили въ той надеждѣ, что всякій, въ коемъ есть еще хоть искра христіанскаго чувства, не откажетъ въ поддержкѣ такого дѣла, гдѣ, среди глубокой заброшенности и духовнаго бѣдствія многихъ невинныхъ дѣтей, съ мольбою, съ призывомъ къ помощи смотреть на насъ самъ Христосъ.

Правда, по поводу заботъ нашихъ о дѣтяхъ, взятыхъ съ Хитрова рынка намъ не разъ приходилось слышать возраженія въ томъ смыслѣ, что эти дѣти, какъ родившіяся отъ порочныхъ родителей и, слѣдовательно, съ молокомъ матери, такъ сказать, всосавшія въ себя нравственную отраву, едва ли оправдаютъ наши ожиданія и не исправленіемъ, а скорѣе черною неблагодарностію отвѣтятъ намъ на наши заботы о ихъ воспитаніи. Что сказать на это? Не буду отвергать возможности такого печальнаго

явленія. Учрежденія, подобныя нашему братству, омрачаются такими явленіями нерѣдко, и нужно крѣпко молиться Богу, чтобы никто изъ призрѣваемыхъ нами дѣтей и намъ не причинилъ подобной скорби; но если манія возраженія есть только пустая отговорка, происходящая изъ скупости, косности и себялюбія, то я отвѣчу на нихъ словами Датскаго короля Фридриха IV. Послѣдній, какъ извѣстно, по своему христіанскому благочестію, очень любилъ христіанскую миссію между язычниками въ Гренландіи и тратилъ на нужды ея большія деньги. Одинъ изъ царедворцевъ при бесѣдѣ объ этомъ съ Фридрихомъ какъ-то сказалъ ему: „Ваше Величество! Миссія эта средствъ поглощаетъ слишкомъ много и пользы приноситъ очень мало“. Король отвѣтилъ на это такими *прекрасными* словами: „Если бы эту миссію приобрѣтена была для Христа одна только единственная душа, то и тогда издержки на нее были бы не слишкомъ велики“. Это сказано было не только по-царски, но и по-христіански и мы всѣмъ сердцемъ присоединяемся къ этой мысли.

Недавно мнѣ пришлось прочитать объ одномъ поучительномъ обстоятельстве, которое невольно припоминается мнѣ въ настоящую минуту. Въ Берлинѣ, какъ во многихъ и другихъ большихъ городахъ Европы, существуетъ исправительный домъ для падшихъ женщинъ, такъ называемый институтъ Магдалины. Одинъ изъ публицистовъ въ рефератѣ, который читалъ онъ въ присутствіи многочисленнаго берлинскаго общества, сказалъ слѣдующія прекрасныя слова: нѣсколько недѣль назадъ въ здѣшнее заведеніе Магдалины просились четыре падшихъ дѣвицы, но имъ было отказано по недостатку мѣста. Просительницы, по этому остались внѣ призора и должны были возвратиться къ прежнему позорному промыслу должны были, возвратиться, подчеркиваетъ ораторъ, потому только, что имѣли несчастье принадлежать къ такому городу, въ которомъ много широкихъ воротъ, ведущихъ къ соблазну и гибели, но очень мало такихъ къ возвращенію домой, ко спасенію отъ опасности. Какими глазами, патетически восклицаетъ онъ, посмотритъ Господь въ послѣдній страшный часъ на нашъ городъ, гдѣ названныя дѣвицы напрасно искали спасенія?!

Допустимъ ли, братіе и сестры, чтобы этотъ тяжкій упрекъ коснулся и насъ? Нѣтъ, мы не могли, мы не захотѣли, надѣюсь и впредь не захотимъ видѣть смерти несчастныхъ, безпризорныхъ дѣтей и всѣми силами будемъ поддерживать и развивать начатое дѣло. Великая, поэтому, благодарность тѣмъ, которые дали первый толчекъ къ ихъ спасенію, всѣмъ сотрудникамъ, всѣмъ членамъ и благотворителямъ Алексіевскаго Братства. Особенное „спасибо“ ближайшимъ воспитателямъ и воспитательницамъ, принявшимъ на себя заботу о дѣтяхъ нашего пріюта. Вѣруемъ, что Тотъ, у Котораго не остается въ забвеніи и одна чаша студеной воды по любви къ Нему подаваемая ближнему, тѣмъ болѣе не забудетъ тѣхъ, которые въ лицѣ этихъ дѣтей отдають Ему и свое время, и свой трудъ, и свои средства, и всѣ свои силы и способности.

Религія и нравственность.

Нѣтъ Бога — нѣтъ наставника!.. Сколько правды въ этихъ краткихъ словахъ! И однако ни на что, кажется, не нападаютъ такъ мнимые защитники „правъ“ человѣка, какъ именно на Бога, на религію, на Евангеліе—на этотъ чистѣйшій источникъ нравственности и благоповеденія человѣка. „Не нужно Бога“, „не нужно религіи“—„и безъ религіи можно быть нравственнымъ“—подобные возгласы слишкомъ настойчиво раздаются теперь. Ими переполнены книжки различныхъ социалистовъ, въ родѣ Бебеля, Маркса, Бакунина, Менгера, Каутскаго, Доделя.

„Нечего опасаться, что съ постепеннымъ вытѣсненіемъ религіозныхъ представленій непремѣнно пострадаетъ нравственность... Въ настоящее время доказано, что масса социалистически-мыслящихъ рабочихъ, отказавшаяся отъ какой бы то ни было положительной религіи, ничуть не уступала по своему нравственному поведенію всѣмъ вѣрующимъ“—вѣщаетъ, напримѣръ, Менгеръ въ книжкѣ „Новое ученіе о нравственности“... И безъ религіи, мечтаетъ тотъ же Менгеръ, будетъ такое высокое нравственное состояніе общества, что оно оставитъ за собою все, что видѣла исторія... Соціализмъ создастъ новую нравственность,

которой уже не будетъ грозить опасность подпасть подъ вліяніе религіи... Это будетъ чисто человѣческая нравственность. Вотъ, поистинѣ, снова преступный судъ надъ Христомъ, надъ Евангелиемъ, надъ всѣмъ христіанствомъ... Все это, видите ли, такъ наскучило, что лучше всего избавиться отъ Христа, отъ религіи, лучше всего разорвать связь съ послѣднею...

Но грозные, предостерегающіе уроки даетъ исторія. Она показываетъ, какъ опасно отрывать религію отъ нравственности. Даже забвеніе язычниками ихъ ложной религіи — вѣры въ боговъ повело къ полному упадку нравственности. Стали забывать они своихъ боговъ — стала колебаться и ихъ невысокая нравственность. Роскошь, развратъ сгубили ихъ семейную и общественную нравственность. Отдавши себя въ жертву своимъ страстямъ, язычники древняго Рима кончили тѣмъ, что стали успокаивать себя словами, полными отчаянія: „ѣшь, пей, веселись, а потомъ умрешь“. Что можетъ быть безотраднѣе этихъ словъ?!...

Особенно же поучительна связь религіи и нравственности въ ветхозавѣтной исторіи Израильскаго народа. Лишь только начинала падать нравственность въ средѣ него, какъ являлись пророки, которые звали Израиля къ религіи отцовъ. Крѣпла религіозная вѣра — улучшалась и нравственность. И всѣ величайшія нравственныя преступленія всегда совпадали у Израиля съ моментами забвенія Бога. И почти всѣ народы древности погибли отъ того что они пренебрегали своими религіозными вѣрованіями. Греки, римляне, израильтяне, — всѣ они погубили свою народность, свою гражданскую доблесть и силу послѣ того, какъ забыли религію своихъ отцовъ.

И, однако, несмотря на эти уроки исторіи защитники „правъ“ человѣка снова толкаютъ человѣчество на опасный путь забвенія религіи.

Есть, впрочемъ, очень поучительные уроки недавняго времени. Они ясно показываютъ, что станетъ съ общественною нравственностію, если будетъ забыта христіанская религія. Вотъ картина, описанная въ одной американской газетѣ ¹⁾. Съ 1880 года въ Новой Мексикѣ

¹⁾ См. у Пфеннигдорфа. Христосъ въ современной духовной жизни. Перев. съ нѣм. „Вѣра и Раз.“ 1906 г. № 12.

существуетъ городъ безбожниковъ. Этотъ городъ называется Либераломъ. Здѣсь не празднуютъ ни воскресныхъ, никакихъ праздничныхъ дней. Всякій, кто вздумаетъ показать здѣсь свою приверженность къ христіанскимъ обычаямъ, подвергается оскорбленію. Въ этомъ городѣ, въ одномъ полуразрушенномъ помѣщеніи, при полной свободѣ, обучается юношество, и это обученіе проникнуто духомъ ненависти къ Богу и религіи. И что же бы вы думали? Нигдѣ, кажется, нѣтъ болѣе грубаго и невоспитаннаго юношества обоего пола, какъ именно здѣсь. Дѣти не оказываютъ никакого уваженія къ своимъ родителямъ, которые, впрочемъ, и живутъ съ ними совмѣстно только дотолѣ, пока имъ это удобно. Никакой дисциплины и нравственности они не признаютъ. Надъ дверью общественнаго дома красуется надпись: „заль для свободнаго выраженія мыслей“. Этотъ заль представляетъ изъ себя мѣсто самаго грубаго разгула. И со времени основанія города Либерала пререканія и ссоры, кончающіяся часто кровавыми дѣяніями, никогда не прекращаются. Самыя грубыя нравственныя преступленія—обычное явленіе. Народное хозяйство здѣсь также въ самомъ крайнемъ упадкѣ, потому что многіе капиталисты потеряли свои деньги въ виду господства въ дѣловыхъ отношеніяхъ лжи и обмана... Вотъ маленькое предуказаніе на будущее состояніе челоувѣчества, если оно дѣйствительно рѣшится изгнать религію и построить свою нравственную жизнь на какихъ либо иныхъ началахъ.

Нѣтъ, что бы ни говорили, но религіозная нравственность должна быть признана и въ наши дни единственною міростроющею, міроподдерживающею и міроохраняющею силою—тѣми могучими столпами, на которыхъ покоится все наше общественное благополучіе. „Міръ долженъ понять, что онъ не можетъ сохранить своего существованія чрезъ технику, искусство, науку, чрезъ всѣ блестящія произведенія челоувѣческаго, чрезъ пріобрѣтенія своихъ „правъ“, если онъ забудетъ объ „обязанностяхъ“ вѣрующаго сердца“. Не хлѣбомъ только однимъ живъ челоувѣкъ, но словомъ, которое исходитъ изъ устъ Божіихъ. Истина этихъ словъ нашла свое полное оправданіе въ

исторіи, какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣ-
лыхъ обществъ.

Если на страницахъ исторіи мы часто видимъ при-
мѣры высокой нравственности, то все это дѣлаетъ хри-
стіанская религія, живая вѣра въ Бога любви. Если хри-
стіанскій мученикъ древняго развращеннаго Рима въ
самый ужасный моментъ пытокъ возводилъ свои очи къ
небу и молился за своихъ враговъ, то въ сердцѣ его го-
ворило несомнѣнно живое религіозное чувство. Если ни-
щій въ рубищѣ благословляетъ Бога, то силу на это
подаетъ ему религія. Если подвижникъ оставляетъ міръ
и гдѣ-либо въ лѣсной глуши довольствуется коркой хлѣба
и глоткомъ воды, то съ нимъ и въ немъ—Богъ. Если
добрая душа радуется миру, счастью и довольству ближ-
няго, то въ ней обитаетъ Богъ. Если христіанское все-
прощеніе не знаетъ обидъ, не знаетъ оскорбленій, то
нравственную силу для этого оно черпаетъ въ Богѣ ми-
лосердія, въ святомъ Евангеліи... Такъ велико значеніе
религіи въ нашемъ нравственномъ благополучіи. Нрав-
ственность и религія связаны такъ же тѣсно между собою,
какъ свѣтъ и теплота въ солнечномъ лучѣ. И что Богъ
соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ. Или еще при-
мѣръ. Религіозно-настроенный человѣкъ—это плодоносное
дерево, которое лишь дотолѣ извлекаетъ изъ земли въ
плодъ нужные соки, доколѣ не срѣзанъ его стволъ.
Срѣжьте стволъ—отъ корней можетъ быть, и пойдутъ
побѣги, которые покроются пышной зеленой листвою, но
это уже будутъ „дички“, дикія вѣтки, которыя никогда
не принесутъ хорошихъ плодовъ, пока не привьютъ къ
нимъ новыхъ вѣтвей отъ плодоноснаго дерева. Такъ и
религіозный человѣкъ какъ бы растетъ вверхъ и ширится
корнями въ землѣ дотолѣ, доколѣ отъ него не сокрыто солнце
оживляющей его вѣры, доколѣ не заглушена или не уни-
чтожена его религія. Нравственность говоритъ: „ты дол-
женъ!“ Религія прибавляетъ: „и только я даю тебѣ силу
къ исполненію того, что ты долженъ, потому что един-
ственно я разрушаю себялюбіе, потому что только я утѣ-
шаю тебя“.

Нравственность говоритъ: „ты и въ скорби, въ нуждѣ
можешь оставаться съ чистымъ сердцемъ, можешь лю-

бить ближнихъ и жертвовать собою для нихъ“... А религія прибавляетъ: „впереди тебя уже прошелъ Нѣкто Единный, Кому все горести и скорби, все искушенія міра не могли ничего приразить—прошелъ Борець, Который побѣдилъ міръ, Который всехъ объялъ Своей любовью и теперь твердо и безопасно шествуетъ чрезъ міръ, полный скорби... Онъ и тебя зоветъ за Собою!“...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ высокопреосвященнаго Леонида архіепископа Ярославскаго.

(Продолженіе).

Декабря 8 дня. Меня поразила эта, давно мнѣ извѣстная, но забытая черта изъ жизни Оригена.—Отецъ его Леонидъ принять вѣнецъ мученическій ¹⁾; его имущество было конфисковано, и вдова его съ семью малолѣтними сыновьями (изъ нихъ старшему Оригену было только 14 лѣтъ) осталась въ крайней бѣдности. Сжалившись надъ безпріютными сиротами, одна богатая вдова дала имъ въ своемъ домѣ помѣщеніе и столъ. Оригенъ и здѣсь выказалъ особенную твердость характера: въ томъ же домѣ жить усыновленный владѣтельницаю онаго, риторъ и гностикъ, по имени Павелъ, который своимъ краснорѣчіемъ многихъ увлекалъ въ свои заблужденія. Оригенъ не хотѣлъ съ нимъ имѣть никакого общенія. Пользуясь пособиями своей благодѣтельница, онъ могъ, съ полною свободою и пламенною ревностью, предаваться ученымъ занятіямъ; но лишь только пришелъ въ состояніе самъ давать уроки въ грамматикѣ и реторикѣ, тотчасъ отказался отъ всякаго посторонняго пособія.—Вотъ урокъ всякому благородному человѣку, въ особенности монаху.

Декабря 9 дня. Слышалъ я въ академіи такое мнѣніе о разговорѣ владыки насчетъ медицины. Это не болѣе какъ безсильная досада на чужое учрежденіе, неприлично высказанное во 1-хъ потому, что здѣсь былъ, между прочими, и лѣкаръ, которому поручено читать медицину въ семинаріи, и которому такой отзывъ былъ не очень поощрительнъ, во 2-хъ, тутъ было человѣка

¹⁾ При Септиміи Северѣ въ 202, много увѣщаемый сыномъ къ твердости (Смъ „Хр. Чтенія“ - 1845, май, 266).

три совершенно постороннихъ. Владыка по выходѣ изъ Синода, сталъ въ оппозицію новому правленію; но такъ какъ у насъ не представительное правленіе, то оппозиція, какъ незаконная, не имѣетъ смысла и, сѣвши на оппозиціонную самодѣльную скамью, владыка долженъ ограничивать свою роль, пустыми вспышками, примѣнимыми только въ стѣнахъ какой-нибудь гостиныи, потому-что, если въ нихъ довольно соли остроумія, то большею частью мало глубины и новости мысли... Владыка думаетъ въ январѣ опять посѣтить насъ, вотъ что ему осталось: кататься отъ Москвы до лавры для освѣженія воображенія, и эту жалкую роль, что всего жалче, онъ самъ для себя приготовилъ. Если бъ онъ не пошелъ вопреки Платона, если бъ не старался истребить около себя весь платоновскій духъ, то можетъ-быть теперешнее его положеніе гонимаго было бы для него самое блестящее. Съ этимъ умомъ, образованностью, знаніемъ приличій и событій современнаго общества, при заманчивомъ эпитетѣ гонимаго митрополита, 25 лѣтъ святительствующій въ Москвѣ, могъ-бы сдѣлаться центромъ, душею московскаго общества и никто бы не тронулъ чело-вѣка, поддерживаемаго авторитетомъ столицы древней, еще очень сильной своимъ мнѣніемъ. Но ему вѣрно не правилась народность Платона. Онъ думалъ, что время перемирилось, надежды Платона обветшали; ему удалось произвести необыкновенный эффектъ штилемъ совершенно не платоновскимъ и конечно гораздо высшимъ платоновскаго, новымъ штилемъ проповѣдей и онъ думалъ, что придуманныя имъ новыя отношенія къ обществу также будутъ эффектны; затворился въ кабинетѣ изолировалъ себя отъ народа и отъ общества, но всѣ увидѣли, что онъ неестественъ, и въ обществѣ поселилась къ нему антипатія, которую только теперь понемножку снимаетъ съ него отчасти опала, отчасти слѣдствія опалы—смягченность его самого. Онъ послѣдователенъ. Когда былъ во главѣ церковнаго правленія, онъ разрушалъ платоновскій духъ въ церкви: теперь въ своей ссылкѣ истребляетъ память Платона, жившую въ нашемъ прекрасномъ уголкѣ. Виѳанія забрасывается по мѣрѣ того, какъ скитъ устрояется; но кажется это олицетвореніе платоновскаго духа, эту Виѳанію не такъ легко истребить. Вотъ мнѣнія пустынныхъ вольнодумцевъ.

Декабря 16 дня. Черезъ годъ по моемъ выходѣ изъ академіи, во время пребыванія владыки въ лаврѣ, мнѣ нужно было повидаться съ нимъ, чтобы попросить себѣ какого-нибудь мѣста;

дѣла матушки были же въ самомъ худомъ положеніи и надежда вся лежала на мнѣ. Я обѣщаль, что все устрою и прозѣваль владыку. По своимъ неумѣстнымъ расчетамъ приличія, я не хотѣлъ беспокоить его въ Виѳаніи и ждалъ, когда онъ возвратится въ лавру; но онъ уѣхаль внезапно, прямо изъ Виѳаніи, потому-что получили извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Государя. Въ ночь пріѣхаль курьеръ, и въ 8 часовъ утра, митрополить уже сѣлъ въ карету у Троицкаго собора: я и матушка были на проводахъ. Вся разстроенная, въ слезахъ пришла она ко мнѣ на академическую квартиру. Послѣ гнѣвнаго теченія, послѣ справедливыхъ укоровъ, которыми облегчила она тяжесть сердца, она подарила и пронзила мое грубое сердце своей душевно-болѣзненной и ангельски кроткою улыбкою. Съ этой улыбкой она встала съ дивана, бросила мнѣ синенькій цвѣтокъ, примолвивъ:—пусть это напоминаетъ тебѣ правило, которое завѣщаю: не откладывай никакихъ дѣлъ.—Цвѣтокъ хранится, но правило не очень. Нѣтъ, надо поближе держать синенькій цвѣтокъ и подражать владыкѣ: онъ и въ Свѣтлое Воскресенье отправляетъ бумаги; нѣкоторыя особенно отъ Сер. Мих. Голицына, распечатываетъ даже въ церкви.

Недавно проѣзжалъ переведенный изъ Харькова въ Кострому ректоръ о. Агаѳангель, бывшій инспекторъ академіи. Вотъ что онъ сообщаль: владыка въ проѣздѣ черезъ Харьковъ былъ въ соборѣ, принялъ икону отъ преосвященнаго, но во все время не сказалъ ему ни одного слова. Слушалъ обѣдню въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, ѣздилъ въ домъ сумасшедшихъ и послѣ обѣда удостоилъ институтъ вторичнаго посѣщенія. Городъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ.—Потомъ, когда проѣзжалъ К. Н., то онъ выслушалъ обѣдню у Иннокентія, пригласилъ его къ столу, и сказалъ принимая его, что онъ надѣется услышать отъ него проповѣдь, потому-что „маменька, которая васъ очень любитъ, всегда совѣтуетъ намъ читать ваши проповѣди и онѣ у насъ настольной книгой“...—Впрочемъ есть почти вѣрный слухъ, что Иннокентія вызываютъ въ С.-Петербургъ, потому-что онъ прислалъ въ Синодъ свой догматическій сборникъ, съ которымъ члены не знаютъ что и дѣлать, какъ крыловская мартышка съ очками.—Иннокентій иногда говоритъ, что теперешнее положеніе Церкви неестественно и оно не зависитъ отъ лица оберъ-прокурора; но отъ закона, и надо чтобы эта неестественность была сознана глубоко и сознаніе родило бы реформу отношеній. Акаде-

ми по его мнѣнію не понимаютъ себя: имъ надо овладѣть современностью, а онѣ все отстаютъ, да отстаютъ.

Разсказываютъ: князь Д. В. Голицынъ передъ отъѣздомъ за границу, былъ у Государя и запросто бесѣдовалъ съ нимъ вечеръ. Государь разспрашивалъ о Москвѣ и московскихъ. Подъ конецъ Голицынъ напомнилъ ему о Московскомъ митрополитѣ, и сказалъ: вы не поняли этого человѣка, и не дали ему никакого употребленія, посадите его въ государственный совѣтъ, вы знаете, что онъ сдѣлалъ бы за десятерыхъ.—Да ты, князь, съ чего взялъ мнѣ давать уроки. Я знаю, кому какое дать назначеніе и знаю, что Московскій митрополитъ поджигаетъ противъ меня Московскій народъ.—Государь! прервалъ его Голицынъ:—остановитесь и не троньте митрополита: тронуть его значитъ тронуть Москву, а тронуть Москву—задѣтъ большую часть Россіи... Потомъ Д. В. пересказываетъ объ этомъ разговорѣ Сер. Мих. и слышитъ въ отвѣтъ: да, ты погубилъ митрополита.—Какъ такъ? Ты обнаружилъ Государю ту сторону въ митрополитѣ, которую, особенно, долженъ былъ скрывать отъ Государя.—Пустая и нескладная выдумка.

Блаженнѣйшій Григорій, патріархъ Антіохійскій.

(Продолженіе см. № 41, „М. Ц. В.“).

Когда избраніе блаженнѣйшаго Григорія патріархомъ Антіохійскимъ состоялось, и митрополитъ Эмесскій Аѳанасій обратился къ нему съ привѣтствіемъ отъ лица всего сонма митрополитовъ, патріархъ, отвѣчая на это привѣтствіе, сказалъ:

„Нѣкогда пастухъ, меньшій изъ своихъ братьевъ, пасшій стадо отца своего, былъ возвеличенъ Богомъ и призванъ былъ сдѣлаться царемъ среди своего народа. Образъ этого пастуха невольнo теперь встаетъ передо мною. Я тоже бѣдный пастухъ. И вотъ Божественная благодать, столь обильно и не по заслугамъ моимъ излившая на меня свои дары, нынѣ, довѣріемъ моихъ собратій и любовію моихъ духовныхъ чадъ, призываетъ меня занять столь высокое положеніе въ Богохранимой Антіохійской паствѣ. Воздаю хвалу Богу за эту Его новую великую милость, сказавшуюся на мнѣ, благодарю и своихъ собратій—преосвященнѣйшихъ митрополитовъ, удостоившихъ меня столь высокаго довѣрія, и призываю благословеніе Божіе на моихъ духовныхъ чадъ. Молю Всевышняго, отъ Котораго, исходитъ всякая сила и помощь, да укрѣпитъ меня съ ними въ томъ дѣлѣ, которое я

призванъ дѣлать, и да соблюдется намъ вѣнецъ правды отъ Мздовоздаятеля Бога въ день Судный“.

Въ заключеніе патріархъ принесъ хвалу повелителю Оттоманской имперіи могущественному Абдуль-Гамиду за тѣ милости, которыя онъ всегда столь обильно изливалъ и изливаетъ на вѣрноподанную ему Антиохійскую паству, благоденствующую подъ его высокою державой.

Въ тотъ же день о состоявшемся избраніи новаго патріарха Порта была увѣдомлена особымъ отношеніемъ.

Избраніе новаго патріарха состоялось 6 іюня 1906 года. 6 августа 1906 года вновь избранный патріархъ Григорій IV получилъ, наконецъ, отъ султана берать, утверждавшій его въ его правахъ и привилегіяхъ, а 13 августа 1906 года, въ воскресенье, состоялся уже обрядъ его интронизации. Это былъ радостный день для всей Сиріи. Впослѣдствіи одна арабская газета писала, что воскресеніемъ 13 августа по важности событія въ это воскресеніе происшедшаго могутъ гордиться всѣ остальные воскресенія.

Торжество началось съ самаго утра. Ровно въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ утра съ каѳедральной церкви раздался первый ударъ колокола. Тотчасъ же, какъ бы по мановенію чьей-либо руки, со всѣхъ остальныхъ церквей Дамаска послѣдовали отвѣтные удары. Черезъ минуту они слились въ одинъ общій гулкій благовѣсть, и вотъ онъ уже понесся по городу торжественный, могучій, наполняя своими гудящими волнами утренній воздухъ. Несмотря на сравнительно ранній часъ, Дамаскъ былъ уже весь на ногахъ—отъ мала до велика.

Патріаршій домъ, дворъ, улицы, прилегающія къ каѳедральной церкви,—все это было запружено народомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выхода патріарха. Для знаменательнаго дня городъ былъ великолѣпно украшенъ. Всюду были видны зелень, пальмовыя вѣтви, цвѣты,—масса живыхъ, благоухающихъ цвѣтовъ различныхъ формъ, запаховъ и красокъ. Можно было подумать, что это былъ какой-то праздникъ, какой-то ширъ цвѣтовъ. Особенно старательно были украшены, конечно, патріаршій домъ и дворъ. Они буквально утопали въ этой массѣ зелени, искусно декорированныхъ пальмовыми вѣтвями и длинными цвѣточными гирляндами, спускавшимися внизъ по стѣнамъ патріаршаго дома.

Къ 8 часамъ шестіе патріарха, наконецъ, открылось. Процессія двигалась въ такомъ порядкѣ. Впереди шли ученики

мѣстныхъ православныхъ школъ въ своихъ форменныхъ бѣлыхъ рубашкахъ съ красными кантами. Въ рукахъ унихъ были свѣчи и букеты живыхъ цвѣтовъ. Затѣмъ, въ предношеніи креста, шли свѣщеносцы. За ними слѣдовали діаконы и священники въ полныхъ облаченіяхъ. Далѣе шли митрополиты; митрополитовъ было восемь, шли они попарно. Позади митрополитовъ шель патріархъ. Патріархъ былъ въ своихъ простыхъ одеждахъ безъ мантии и въ эту минуту онъ былъ очень величественъ. Видно было, что онъ до глубины души былъ проникнутъ сознаніемъ величія того момента, который имѣлъ сейчасъ совершиться. Шествіе замыкалось огромной толпой народа, среди которой ближе къ патріарху шли представители мѣстной турецкой администраціи, представители инославныхъ, а также иновѣрныхъ исповѣданій,—были между прочимъ представители и отъ мусульманъ и евреевъ—представители разныхъ филантропическихъ обществъ города Дамаска,—все въ своихъ парадныхъ формахъ.

Процессія подь музыку военного турецкаго оркестра медленно подвигалась впередъ по направленію къ кафедральной церкви. Раза три или четыре ей пришлось проходить сквозь особыя арки, которыя съ этой цѣлью были устроены на ея пути; на аркахъ, увитыхъ цвѣточными гирляндами, развѣвались національные турецкіе флаги. Путь, по которому двигалась процессія, тоже былъ усыпанъ цвѣтами. Наконецъ процессія достигла собора. Въ западныхъ дверяхъ его патріархъ облачился въ мантию и затѣмъ, при гнѣни входной, со славою прослѣдовалъ въ алтарь. Начался самый обрядъ. Старѣйшій по рукоположенію митрополитъ Григорій Эпифанійскій, облачась въ мантию и малый омофоръ и показивъ престоль, произнесъ возгласъ: „Благословенъ Богъ нашъ...“ Діаконъ прочель трисвятое, послѣ чего митрополиты, совокупясь вмѣстѣ, пропѣли тропарь и кондакъ святой Пятидесятницы. Патріархъ, взявъ кадило, показивъ имъ престоль и жертвенникъ, затѣмъ вернулся опять на свое мѣсто и снялъ съ себя эпитрахиль и малый омофоръ. Послѣ этого все присутствовавшіе въ алтарѣ митрополиты, священники и діаконы вышли изъ алтаря и стали попарно на амвонѣ. Патріархъ сталъ въ царскихъ вратахъ лицомъ къ народу. Въ храмѣ водворилась сразу полнѣйшая тишина. Тогда секретарь Антиохійскаго Синода іеродіаконъ Сидауи, состоящій студентомъ II курса Кіевской духовной Академіи, ставъ среди сонма архипастырей, возвысилъ голосъ и, обратясь къ патріарху, произнесъ слѣдующее:

„Изволеніємъ Духа Святаго и милостью Его Величества, Великаго нашего Султана, Святѣйшій Антіохійскій Синодъ, сонмъ всего честнаго клира и весь благословенный Богомъ православный народъ избрали Васъ, Ваше блаженство, Патріархомъ града Божія, великія Антіохіи и всего Востока. Нынѣ, устами моего недостойнства, они призываютъ Васъ на Святѣйшій Антіохійскій престоль, основанный Божественными первоверховными апостолами Петромъ и Павломъ. Взойдите же, о всеблаженнѣйшій Владыко, на этотъ престоль и украсьте его своимъ долготѣннымъ житіемъ, какъ украсили его Ваши предшественники на этомъ престолѣ—честнѣйшіе Апостолы, Игнатій Богоносець, Евстафій Великій, честнѣйшій Мелетій и прочіе первосвятители Антіохіи, со страхомъ Божиимъ державшіе въ своихъ рукахъ бразды правленія Антіохійской церкви“. За симъ послѣдовало врученіе патріарху жезла—этого символа его архипастырской власти.

Вручалъ жезлъ Григорій Эпифанійскій.

Обращаясь къ патріарху, Григорій Эпифанійскій сказалъ:

„Господь съ тобою, благословенный избранникъ Божій, мужайся и крѣпись о Господѣ. Будь вѣренъ въ прохожденіи того служенія, къ которому тебя призвалъ Господь Богъ твой. Со страхомъ Божиимъ и вѣрою нелѣпно паси стадо, искупленное честною кровію Сына Божія, путеводя его къ источникамъ божественной жизни. Храни вѣру, пребывай въ молитвѣ, люби Бога и свой народъ, научай всѣхъ заповѣдямъ Господнимъ и правдѣ Его и будь всѣмъ примѣромъ добродѣтели. (Вручая посохъ и цѣлуя у патріарха руку). Прими же въ твою десницу сей жезлъ, и да будетъ онъ въ твоихъ рукахъ орудіемъ благого пастырскаго промышленія и попеченія“

Послѣ этого, пріявъ въ свою правую руку жезлъ, патріархъ самъ вошелъ на патріаршій тронъ, сталъ на немъ и, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, громко и внятно произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Высота и отвѣтственность того служенія, къ которому мы нынѣ призываемся, устрашаетъ наши слабыя силы, усугубляя въ насъ чувства нашей немощи и умножая нашу нужду въ благодатной помощи отъ Бога. Но мы готовы все же исполнить волю честнѣйшихъ о Господѣ собратій нашихъ и нашихъ возлюбленныхъ чадъ, призвавшихъ насъ взойти на сей святѣйшій Апостольскій престоль, и обѣщаемся, что всѣ свои силы, какія даны намъ отъ Бога, мы отдадимъ на дѣло Божіе, ревностно и со

страхомъ Божиимъ исполняя свой долгъ, налагаемый на насъ высокою нашего сана, твердо соблюдая законъ божественный и каноны св. Церкви и не переставая до конца дней своихъ печись о вѣрнѣннхъ нашему управленію душахъ вѣрующихъ. Благодаря своихъ честнѣйшихъ собратій, избравшихъ насъ, не взирая на наши недостатки, къ новому для насъ великому служенію, и нашихъ дорогихъ чадъ, почтившихъ насъ, не взирая на нашу немощь, своимъ довѣріемъ, мы вмѣстѣ съ вами просимъ теперь у Бога Его благодатной помощи; у васъ же, честные архипастыри, мы просимъ братскаго содѣйствія, и у васъ, дорогія чада, сыновней покорности и послушанія. И да поможетъ намъ Богъ, когда мы предстанемъ предъ лице Судіи вселенной, сподобиться Его благоволенія и обѣтованнаго намъ царствія небеснаго“.

Послѣ этого всѣ митрополиты попарно подходили къ патріарху и, привѣтствуя его, цѣловали у него руку.

При этомъ чудную рѣчь произнесъ Герасимъ, митрополитъ Бейрутскій, извѣстный какъ выдающійся по своей эрудиціи богословъ, а также какъ очень искусный проповѣдникъ. Въ своей рѣчи, начинающейся съ текста: „И дамъ вамъ пастырей по сердцу Моему, и упасутъ васъ разумомъ и ученіемъ (Ер. 3 г. 16 ст.), онъ, выразивъ предварительно общую радость антиохійской паствы по поводу избранія новаго патріарха указалъ затѣмъ и на тѣ надежды, которыя эта паства возлагаетъ теперь на своего новаго архипастыря, уповая на мудрость, твердость и ревность его въ его новомъ отвѣтственномъ служеніи. Рѣчь преосвященнѣйшаго Герасима, глубоко прочувствованная и задушевная, произвела на всѣхъ большое впечатлѣніе.

Этимъ собственно обрядъ интронизаціи и закончился. Затѣмъ началась божественная литургія, которую совершалъ самъ патріархъ въ сослуженіи митрополитовъ и прочаго духовенства. На литургіи передъ Апостоломъ, когда священнослужашіе отходятъ на горнее мѣсто, патріархъ при троекратномъ возглашеніи митрополитами и пѣвчими: „аксіось“ взшелъ на патріаршее горнее мѣсто. И затѣмъ служба уже шла въ обычномъ порядкѣ. Въ концѣ литургіи произнесъ рѣчь митрополитъ Ливанскихъ горъ Павелъ, который началъ ее съ текста. „На гору высоку възды, благовѣствуяй Сіону, возвыси крѣпостью гласъ твой, благовѣствуяй Иерусалиму, аки пастырь упасеть паству свою, и мышцею своею собереть агнцы, и имущія во утробѣ утѣшить“ (Исаи

40 гл. 9 и 11 ст.). Рѣчь преосвященнѣйшаго Павла, заключавшая въ себѣ яркую характеристику личности вновь избраннаго патріарха, а также краткій очеркъ его дѣятельности на пользу церкви еще въ бытность его іеродиакономъ въ Бейрутѣ и митрополитомъ Триполійскимъ, была очень красива и отличалась обиліемъ глубокихъ мыслей; на присутствующихъ она, какъ и рѣчь преосвященнѣйшаго Герасима, произвела тоже очень сильное впечатлѣніе.

Патріархъ въ краткой отвѣтной рѣчи благодарилъ всѣхъ присутствующихъ за ихъ участіе въ торжествахъ этого дня и въ заключеніе призвалъ на всѣхъ Божіе благословеніе.

Послѣ этого патріархъ въ сопровожденіи митрополитовъ и огромной привѣтствовавшей его толпы народа, при звукахъ военнаго оркестра, прослѣдовалъ обратно въ свои покои, гдѣ ему были принесены поздравленія отъ представителей мѣстной турецкой администраціи, отъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, отъ представителей инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, отъ лица жителей Дамаска и многихъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ кругамъ мѣстнаго общества. Между прочимъ его привѣтствовали здѣсь французскій консулъ, говорившій отъ лица всѣхъ остальныхъ здѣшнихъ консульствъ, затѣмъ уніатскій патріархъ и митрополиты Маронитскій и Армянскій.

Торжество интронизаціи кончилось. Кончился радостный національный праздникъ, прекрасной, но политически обездоленной, Сиріи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Духъ времени и вѣра Христова.

Не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ (Рим. 12, 12).

Отличительной особенностью нашего времени является то, что почти каждый изъ насъ стремится сообразоваться съ вѣкомъ симъ, т. е. старается поступать и думать такъ, какъ велитъ нынѣшнее время. Но, кажется, никто изъ людей съ чуткой совѣстью не будетъ отрицать того, что нынѣшнее время—испорченное время. Растетъ безбожіе, падаетъ уваженіе къ человѣческой личности, проповѣдуется расхищеніе чужого добра. Все, что разсчитано на чувственность, что тѣшитъ человѣческое самолюбіе, что призы-

ваетъ къ разнузданности и своеволю, чѣмъ вытравляется вѣра въ Бога,—все это находитъ живой откликъ въ душѣ современныхъ людей. Наоборотъ, что ведетъ къ обузданію страстей людскихъ, что проповѣдуетъ о воздержаніи и смиреніи, что указываетъ на существованіе Нелицепріятнаго Судьи, который „воздастъ каждому по дѣламъ его“,—это все подвергается въ наше время отрицанію и сомнѣнію, или, въ лучшемъ случаѣ оставляется безъ вниманія.

Въ угоду времени нынѣшніе люди предпочитаютъ быть младенцами, „колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія по лукавству челоуѣковъ“ (Еф. IV, 14), а не тѣмъ благоразумнымъ мужемъ, который построилъ домъ свой на камнѣ, обезопасилъ его отъ наводненія (Мѡ. VII, 24). Потому-то и жизнь наша полна различныхъ крушеній. Мы видимъ раздоры въ семьяхъ, несогласія въ обществахъ, нестроенія въ государствѣ и обвиняемъ во всемъ этомъ „соціальныя условія“. Между тѣмъ корень зла лежитъ въ насъ самихъ. Находясь въ плѣну у духа времени, будучи рабами его, мы слѣпо вѣримъ тому, что говоритъ этотъ господинъ въ лицѣ Марковъ, Менгеровъ и Бебелей и проходимъ мимо Христа, который сказалъ: „Мое ученіе—не Мое, но Пославшаго Меня. Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю“ (Іоан. VII, 16, 17).

Но, вѣдь, это же низко, безчестно: слушать неприваннхъ учителей и избѣгать Единаго истиннаго Учителя (Іоан. XIII, 13), Который въ Своихъ словахъ даетъ намъ средство противъ нашего невѣрія. Христосъ говоритъ коротко и ясно: „творящій волю Божию узнаетъ отъ Бога ли Мое ученіе. И кто не можетъ, или не хочетъ произвести этого опыта, тотъ не долженъ бы, если онъ честный челоуѣкъ, говорить ни за, ни противъ вѣры Христовой. Но этой-то честности и не достаетъ у современныхъ противниковъ и презирателей Евангелія. Они охотно прислушиваются къ тому, что направлено противъ вѣры и нравственности и отвращаютъ слухъ свой отъ „глаголовъ живота вѣчнаго“ (Іоан. VI, 68), не желая остановиться на нихъ, проникнуть въ ихъ содержаніе. Разумѣется, при такомъ отношеніи къ Слову Божию свѣтъ истины Христовой является закрытымъ для этихъ людей. А кто хочетъ быть справедливымъ, тотъ считаетъ долгомъ своимъ изслѣдовать Писанія (Іоан. V, 39), чтобы сказать потомъ: „Иисусъ есть и будетъ точкой соединенія между Богомъ и мной, а также

между мной и Богомъ. Онъ мое все во всемъ. Кромѣ Него не имѣю и не хочу имѣть никакого Бога, еще менѣе—милостиваго Бога, всего же менѣе—Отца“ ¹⁾. Такое именно признаніе вылилось изъ устъ Иоанна Мозера. Этотъ человѣкъ въ своей юности познакомился съ насмѣшками Вольтера надъ Библіею. Какъ юристъ по образованію, прежде чѣмъ повѣрить на слово Вольтеру въ его сужденія о Библии, Мозеръ счелъ нужнымъ самому прочитать внимательно Библію и разсмотрѣть, дѣйствительно ли онъ правъ. Онъ читалъ ее и нашелъ это мѣсто: Мое ученіе—не Мое, но пославшаго Меня. Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или я Самъ отъ Себя говорю“.—„Какъ?“—сказалъ Мозеръ самому себѣ:—„Иисусъ Христосъ сдѣлалъ испытаніе столь легкимъ?—Было бы низко и безсовѣстно, еслибы человѣкъ съ душою, жаждущею истины, прошелъ мимо, не повѣривъ его. Попробуемъ!“ И вотъ онъ начинаетъ изслѣдовать волю Того, Кто послалъ Иисуса. Онъ читаетъ Слово Божіе, и все, что онъ читаетъ, звучитъ новыми звуками въ ухахъ его, даетъ новое содержаніе его сердцу. Онъ начинаетъ жить въ Богѣ. Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе исполняетъ заповѣди Божіи. Но все обширнѣе и неизмѣримѣе представляется ему кругъ этихъ заповѣдей, и чѣмъ больше кажутся ему заповѣди, тѣмъ меньше и ничтожнѣе представляется онъ самъ себѣ, и чѣмъ ничтожнѣе представляется онъ самъ себѣ, тѣмъ величественнѣе является Христосъ. Черезъ нѣсколько времени Мозеръ сдѣлался вѣрующимъ христіаниномъ, кончивъ жизнь свою 30 сентября 1785 года.

Такъ ли добросовѣстно поступаютъ въ наше время съ ученіемъ Христа? Даютъ ли себѣ трудъ, подобно честному Мозеру, вникнуть въ него, подумать надъ нимъ? И тотъ жалкій С., о которомъ говоритъ Толстой въ своей „Исповѣди“, постарался ли онъ взяться за Евангеліе, чтобы исцѣлиться отъ своего невѣрія? А вѣдь этотъ С. былъ „умный и правдивый человѣкъ“. Въ чемъ же проявилась его правдивость ко Христу, если пустой вопросъ брата побудилъ его безъ всякихъ разсужденій оставить молитву, Церковь и таинства?

И много среди насъ найдется такихъ „умныхъ и правдивыхъ людей, которые, однако, стоятъ далеко отъ Христа и не хотятъ воспользоваться Его наставленію“ (Іоан. VII, 16, 17). Почему? Да не потому, конечно, чтобы эти люди были убѣждены

¹⁾ Ците. Истина и величіе христіанства.

въ мнимой ими несостоятельности Евангелія, котораго они по большей части и въ руки не брали, а потому что духъ времени таковъ. Нынче въ модѣ это: все порицать, надъ всѣмъ смѣяться, ничего не признавать. Но по плодамъ дерево познается, а по тѣмъ дѣламъ, которыя вокругъ насъ совершаются, можно видѣть сколько ужаснаго, отвратительнаго въ настоящемъ вѣкѣ. Перестанемъ же быть рабами духа времени; отречемъ отъ этого духа и ко Христу пойдемъ, Его ученіемъ будемъ руководиться! Тѣмъ ученіемъ, — „которое смягчило жестокость, укротило страсти, заклеяло позоромъ самоубійство, подъ строгимъ наказаніемъ запретило дѣтоубійство“. Это ученіе „изгнало гладіатора, освободило узника, защитило плѣнника, возстановило слабаго, взяло на себя попеченіе о сиротѣ, возвысило женщину. Оно, — это ученіе, обратило сожалѣніе изъ порока въ добродѣтель, возвело бѣдность изъ проклятія въ блаженство, облагородило трудъ, обративши его изъ черной работы въ достоинство и обязанность; освятило бракъ, считавшійся прежде до нѣкоторой степени тягостнымъ условіемъ“. Все это сдѣлало Христово ученіе. Съ нимъ ли сравнятся тѣмъ измышленіямъ человѣческаго ума, которыми въ настоящее время колеблется вѣра, уничтожается любовь, поселяется вражда, потрясаются основы государственнаго благополучія? „Не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ“ увѣщаетъ насъ Апостоль языкъ. Пусть же голосъ его не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Пусть жизнь наша идетъ не по стихіямъ міра сего, не подъ вліяніемъ „вѣтра ученія по лукавству чело-вѣковъ“, а по внушенію чистой, незапятнанной совѣсти, по требованію закона Евангельскаго!

Свящ. *Виноградовъ.*

Лѣтопись епархіальной жизни.

29 октября въ Князе-Владимірскомъ храмѣ Епархіальнаго дома Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ въ сослуженіи съ Преосвященнѣйшимъ Серафимомъ, Епископомъ Можайскимъ, были совершены литургія и молебень Святителю Алексію, по окончаніи котораго состоялось торжественное собраніе Братства Святителя Алексія *).

30 октября Владыкою Митрополитомъ послѣ литургіи, со-

*) Подробное описаніе этого, какъ и послѣдующихъ торжествъ, будетъ помѣщено въ слѣдующемъ №.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

5 ноября.

№. 44.

1906 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства, отъ 23 октября с. г. за № 11673, при новоустроенной церкви деревни Рахмановой, Богородскаго уѣзда, открыты священническая и псаломщическая вакансіи съ содержаніемъ изъ мѣстныхъ средствъ.

Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства, отъ 23 октября 1906 г. за № 11720, при домово́й церкви богадѣльни братьевъ Шаниныхъ, въ г. Коломнѣ, открыты вакансіи священника и псаломщика съ содержаніемъ изъ мѣстныхъ средствъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Постановленіемъ Московскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 20—25 октября с. г., коллежскій секретарь Василій *Глаголевъ* утвержденъ въ должности казначея Московской Духовной Консисторіи и смотрителя дома оной.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 23 окт. с. г. за № 4950, іеромонахъ *Митрофанъ* освобожденъ отъ должности ризничаго Вѣлопесоцкаго монастыря, и на его мѣсто назначенъ іеромонахъ того же монастыря *Поликарпъ*.

На рапортѣ священника Михаило-Архангельской церкви г. Коломны Панкратія *Милославина* о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ прихожанами названной церкви на устройство мѣстной церковно-приходской школы, резолюція Его Высокопреосвященства 28 октября с. г. послѣдовала таковая: *Призываю Божіе благословеніе на всѣхъ, кто принималъ участіе въ постройкѣ названнаго зданія.*

Опредѣлены:

1) На вакансію псаломщика къ Владимірской, с. Богородскаго-Краскова, церкви, Московскаго уѣзда, надзиратель за уче-

никами Перервинскаго духовнаго училища Николай *Списковъ*, 23 октября.

2) На вакансію псаломщика къ Николаевской, с. Лѣтова, церкви, Подольскаго уѣзда, окончившій курсъ 2 класса Виѣанской духовной семинаріи Сергѣй *Соколовъ*, 24 октября.

3) На вакансію священника къ соборной церкви г. Богородска учитель Высоко-Петровской церковно-приходской школы г. Москвы Павелъ *Соснинъ*, 24 октября.

4) На вакансію священника при Николаевской, с. Подмошья, церкви, Дмитровскаго уѣзда, діаконъ села Савельева, Рузскаго у., Александръ *Синайскій*, 23 октября.

5) На вакансію псаломщика къ Московской Николаевской, что при домѣ бесплатныхъ квартиръ бр. Бахрушиныхъ, церкви псаломщикъ и учитель Марѣинскаго приюта Сергѣй *Архангельскій*, съ рукоположеніемъ его въ санъ діакона, 23 октября.

6) Исправляющимъ должность псаломщика Троицкой, с. Воронцова, церкви, Московскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ Николай *Петровъ*, 24 октября.

7) Исправляющимъ должность сверхштатнаго псаломщика при церкви с. Литвинова, Подольскаго у., сынъ псаломщика Александръ *Колоколовъ*, 16 октября.

8) Исправляющимъ должность псаломщика Димитріе-Селунской, с. Дуброва, церкви, Верейскаго уѣзда, учитель Митяевской школы грамоты Николай *Богавъ*, 24 октября.

Перемѣщены:

1) На вакансію псаломщика къ Знаменской, с. Перова, церкви, Московскаго уѣзда, псаломщикъ Николаевской, с. Лѣтова, церкви, Подольскаго уѣзда Николай *Виноградовъ*, 22 октября.

2) На штатную псаломщическую вакансію къ Успенской, с. Литвинова, церкви, Подольскаго уѣзда, діаконъ на сверхштатной псаломщической вакансіи при той же церкви Іоаннъ *Любимовъ*, 16 октября.

3) На священническую вакансію къ церкви Никольскаго сиротскаго женскаго профессиональнаго училища г. Москвы священникъ Михаило-Архангельской, с. Никольскаго, Московскаго уѣзда, церкви Всеволодъ *Соболевъ*, 27 октября.

4) Іеромонахъ Николаевской Берлюковой пустыни *Платонъ*— въ число братства Спасо-Андроніева монастыря, 28 октября.

Уволены за штатъ:

1) Священникъ Богоявленскаго собора г. Богородска Венедиктъ *Ильинскій* согласно прошенію, 24 октября.

2) Псаломщикъ Троицкой, с. Воронцова, церкви, Московскаго уѣзда, Михаилъ *Кистринъ*, согласно прошенію, 24 октября.

Исключенъ изъ списковъ умершій:

Священникъ Николаевской, с. Плоскаго, церкви, Волоколамскаго уѣзда, Иоаннъ *Воскресенскій*, 11 октября.

Отъ Московской Духовной Консисторіи.

Вслѣдствіе отношенія г. Московскаго Губернатора о неисправномъ и неаккуратномъ доставленіи духовенствомъ Московской епархіи въ Московскій Столичный и Губернскій Статистическій Комитетъ метрическихъ карточекъ о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, чѣмъ вызывается задержка въ составленіи срочныхъ вѣдомостей, Московская Консисторія, по резолюціи Его Высокопреосвященства, симъ вновь подтверждаетъ, что означенныя карточки должны быть представляемы въ Комитетъ за каждый истекшій мѣсяць не позже 10 числа слѣдующаго мѣсяца.

Именные списки лицъ, служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Московской епархіи за 1906 годъ.

Дмитровское духовное училище.

Смотритель училища статскій совѣтникъ Николай Петровичъ Купленскій. Кандидатъ Московской духовной академіи 1889 года; 12 мая 1890 года помощникъ смотрителя Дмитровскаго духовнаго училища; 31 августа 1905 года смотритель того же училища. Имѣетъ орденъ Св. Анны 3 степени.

Помощникъ смотрителя Павелъ Ѳедоровичъ Никольскій. Кандидатъ Московской духовной академіи 1905 года; 10 декабря 1905 года помощникъ смотрителя Дмитровскаго духовнаго училища.

Преподаватели:

Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Александръ Александровичъ Померанцевъ. Кандидатъ Московской духовной академіи 1902 года; 19 марта 1903 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Дмитровскаго духовнаго училища.

Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ I классѣ—коллежскій ассесоръ Александръ Васильевичъ Розановъ. Студентъ Таврической духовной семинаріи 1894 года; 23 сентября 1896 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ I классѣ Дмитровскаго духовнаго училища; 9 ноября 1898 года—студентъ Императорскаго Томскаго университета; 25 ноября 1899 года—преподаватель русскаго и церковно-славянскаго яз. въ I классѣ Дмитровскаго духовнаго училища. Имѣетъ орденъ Св. Станислава 3 степени.

Греческаго языка—священникъ Дмитровскаго Успенскаго собора Николай Васильевичъ Козловъ. Кандидатъ Московской духовной академіи 1892 года; 10 іюля 1892 года надзиратель Москов-

скаго Законоспасскаго духовнаго училища; 22 апрѣля 1893 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Макарьевскаго духовнаго училища; 3 юня 1893 года преподаватель греческаго языка Шаргородскаго (нынѣ Тавровскаго) духовнаго училища; 22 юня 1896 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Пошехонскаго духовнаго училища; 21 августа 1897 преподаватель греческаго языка Дмитровскаго Духовнаго училища. Имѣеть орденъ Св. Станислава 3 степени.

Латинскаго языка—коллежскій совѣтникъ Николай Яковлевичъ Фортунаговъ. Кандидатъ Казанской духовной академіи 1895 года: 1 августа 1896 года преподаватель латинскаго языка Приворотскаго духовнаго училища; 29 октября 1898 года преподаватель латинскаго языка Дмитровскаго духовнаго училища. Имѣеть орденъ Св. Станислава 3 степени.

Географіи и ариѳметики—сверхштатный діаконъ Дмитровскаго Успенскаго собора Іоаннъ Іоанновичъ Преображенскій. Студентъ Виѳанской духовной семинаріи 1881 года; 11 сентября 1881 года преподаватель греческаго яз. Дмитровскаго духовнаго училища; 9 апрѣля 1885 года преподаватель географіи и ариѳметики того же училища; съ 30 ноября 1895 года онъ же членъ и дѣлопроизводитель Училищнаго Правленія, съ 23 декабря 1895 года именуется старшимъ преподавателемъ. Имѣеть орденъ Св. Анны 3 степени.

Церковнаго пѣнія—Алексѣй Николаевичъ Орловъ. Окончившій курсъ въ Виѳанской духовной семинаріи по 2 разряду 1905 года; 21 сентября 1905 года законоучитель и учитель церковнаго пѣнія Яропольской женской церковно-приходской школы; 3 марта 1906 года преподаватель церковнаго пѣнія Дмитровскаго духовнаго училища.

Чистописанія—священникъ Троицкой, гор. Дмитрова, церкви Димитрій Іоанновичъ Цвѣтковъ. Окончившій курсъ въ Виѳанской духовной семинаріи по 2 разряду 1877 года; 11 сентября 1881 года учитель чистописанія и церковнаго пѣнія Дмитровскаго духовнаго училища; съ 10 августа 1885 года только учитель чистописанія того же училища. Имѣеть камилавку.

Надзиратели:

Коллежскій ассессоръ Василій Алексѣевичъ Космодамианскій. Студентъ Виѳанской духовной семинаріи 1898 года; 9 апрѣля 1899 года надзиратель Дмитровскаго духовнаго училища.

Иванъ Дмитріевичъ Цвѣтковъ. Окончившій курсъ въ Виѳанской духовной семинаріи по 2 разряду 1905 года; 10 мая 1906 г. надзиратель Дмитровскаго духовнаго училища.

Содержаніе: Опредѣленія Святейшаго Синода.—Распоряженія Епархіальнаго начальства.—Отъ Московской Духовной Консисторіи.—Именные списки лицъ, служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Московской епархіи.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъновъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.